

Юрий СИВИНЦЕВ:

«Чернобыль — эпоха прошедшая (для страны и мира)»

— Юрий Васильевич, не кажется ли Вам странным, что чернобыльская авария — ядерная катастрофа мирового уровня — так быстро выветрилась из памяти многих из нас: большая часть населения уже не помнит, когда она произошла. И это спустя всего лишь десять лет.

— Ничего удивительного в этом нет. После такого обвала событий, произошедших в стране вслед за чернобыльской катастрофой — промышленные аварии, трагедии, вызванные войнами, развал государства и общества, чернобыльская боль забылась.

Когда в июне 1986 г. мне довелось работать в составе правительственной комиссии, почта приносила нам мешки писем, в которых содержалась единственная просьба: позовите меня в Чернобыль, я хочу помочь, чем могу. Писали шахтеры, строители, медсестры... Запомнилось письмо из Лондона от пожарных. Словами В. Шекспира они выразили солидарность с нами: «Один пожар — другой пожар рождает. И только боль — одна другую утешает». Новые боли, которые пережило наше общество, вытеснили боль чернобыльскую. Чернобыль — эпоха прошедшая — для страны и мира в целом.

— Чем Вы объясните то, что в последнее время проявляют сдержанность, порой даже некоторую агрессивность по отношению к ликвидато-

рам и пострадавшим от аварии, когда речь заходит о социальной помощи им?

— А разве не заслуживают помощи люди, находящиеся за чертой бедности, или беженцы, появившиеся у нас в огромном количестве? Конечно, лучше им отдать деньги, чем тем, кто поработал в Чернобыле и получил, прямо скажем, не смертельные дозы облучения. Другое дело — помогать переселенцам, у которых рухнула вся жизнь и которым авария действительно принесла неисчислимые беды.

Всегда, когда речь идет хоть о малой материальной помощи, акценты сильно смещаются: что есть правда, а что неправда? Вместо того, чтобы стимулировать деньгами тех, кто остался в зоне, чтобы там жизнь продолжалась, их давали тем, кто уезжал из зоны. Мы намеренно создавали пустыню вокруг Чернобыля. Ужасная ошибка была допущена. Комок ненужных эмоций, лжи, обмана — вот последствия непродуманных действий правительства. А потом пошла политическая ложь, на волне которой рядовые становились министрами. Сила лжи все время нарастала, и конца этому не видно.

Большинство воспринимает Чернобыль как результат ошибочной политики в строительстве реакторов, обвиняет в обмане физиков. А Яблоков писал как-то в «Новом мире»: «Клюкву развесистую преподносили нам». И это говорит советник президента по

экологии! В обществе продолжается отторжение того, что связано с радиацией. Все наши попытки изменить что-то в сознании людей пока не дают должного результата.

В послечернобыльское время появилось огромное количество сырой, недостоверной информации. Она легла в историю, непреднамеренно ее искажая. Родилось несколько наук: мировая, украинская и белорусская. Последние утверждают, что малые дозы радиации исключительно опасны — опаснее, чем большие. Разделяющая эту позицию доктор Бурлакова, например, утверждает: 10 бэр для тех, кто получил их в Чернобыле, — не очень опасны, а 5 бэр за пределами Чернобыля — ужасно опасны. Вот такая у нее теория. Что-то кабалистическое происходит в чернобыльской сфере. Все плохое, случившееся после аварии, приписывается действию радиации, хотя зависимости фактически нет.

— Юрий Васильевич, Вы свидетель первых послечернобыльских дней, отнюдь не рядовой участник событий по локализации аварии на ЧАЭС, под Вашим руководством одно время работал коллектив курчатовцев. Какую роль, на Ваш взгляд, сыграл он в решении совершенно новых для общества задач, порожденных чернобыльской аварией?

— Курчатовский институт был подготовлен лучше других научных коллективов к такой работе. Он понимал масштаб, характер опасности, умел работать с излучением, не боясь его. У старых курчатовцев есть лозунг: «Излучения не нужно бояться, но нужно относиться к нему с должным уважением». Кто провел радиационное исследование внутри четвертого блока? Курчатовский институт. В ту пору мы работали в правительственной комиссии. Каждый вечер мы сидели с В. Д. Письменным, изучая схему четвертого блока с тем, чтобы утром выбрать оптимальный путь, по которому можно проникнуть в новые помещения четвертого блока, не получив при этом недопустимую дозу облучения. Наша работа ценилась, и прави-

тельственная комиссия базировалась на рекомендациях и оценках Курчатовского центра.

Мы и не преуменьшали, и не преувеличивали масштаб аварии, потому что являемся сторонниками объективной информации. Понимали, что любое вранье нам же отзовется. Золотое правило Курчатова: никогда ни в чем не врать. Этот стиль — во всем стремиться к объективной истине — пропитал Курчатовский институт и мы сохранили его в Чернобыле. Попытаться объективно оценить ситуацию и принять оптимальные решения — с такой установкой работал штаб В. А. Легазова, выездные руководители.

Курчатовский институт по многим параметрам был готов к борьбе с подобными бедствиями. Мы прошли через аварии на промышленных реакторах, атомных лодках, то есть у нас уже была школа общения с высокой активностью, и мы были единственным научным коллективом, обладающим таким опытом.

Важен и другой момент. В институте остался курчатовский дух, сохранилось умение коллективно решать глобальные проблемы. Организационная школа, заложенная Курчатовым, пригодилась и на ЧАЭС.

Аппаратурно-техническая готовность тоже сыграла свою роль. В нашем арсенале были не только расчетные, но и экспериментальные оценки. Первые эксперименты и первые неожиданные результаты были получены в нашем институте.

— После анализа ситуации, когда поняли масштаб аварии, вы сразу поверили, что справитесь с ней?

— В тот момент уверенности не было. Напряжение чуть спало в конце июня, когда была пробурена скважина и введен зонд в разрушенный реактор. Данные показали, что там нет безумных температур. Тогда отлегло, тогда появилась уверенность, что справимся. Но многие вопросы по-прежнему не давали покоя. К реактору подхода нет, мы не знаем, что происходит с активной зоной. Сначала думали — вылетела вся, но активность на местности, оцененная по результатам аэро-

гаммасъемки в 50 МКи, не подтверждала такое предположение. Эти оценки потом легли в основу доклада в МАГАТЭ и позже фактически подтвердились. Они сыграли важную роль в определении дальнейшей тактики.

У читателя не должно складываться впечатление, что все шло без сучка и задоринки. Много было хаоса и неправильно принимаемых решений, что отчасти объясняется временем, в котором происходили события. Это был расцвет «дикой демократии», которая понималась как вседозволенность: что хочу, то и делаю. И мародерство, и пьянство — это тоже, к сожалению, было. Да и в научной работе мы, например, не всегда находили общий язык с украинскими специалистами. Чтобы уменьшить загрязненность Днепровского водохранилища, украинские ученые предложили высыпать туда баржу шлама. Мы убеждали не делать этого: поглощающая способность ила на дне чрезвычайно высока, он может поглотить сто чернобылей. Не поверили, привезли баржу шлама, сбросили, померили активность до и после, разницы не нашли. И такие бесполезные эксперименты были. Но мы шли на это, потому что хотели работать вместе. И предположить тогда не могли, что придем к такому размежеванию, которое наблюдается сегодня. Идет явное вытеснение русских из чернобыльской тематики. Сразу после распада Союза появились международные договоры, оттеснившие Россию. Мы оказались на третьем, если не на тридцать третьем плане. Сегодня мы просто не нужны Украине, Беларуси. Тем более что критически относимся к утверждению, что ухудшение состояния здоровья населения Украины и Беларуси обусловлено чернобыльской трагедией; подвергаем также критике и тезис об угнетающем действии малых доз излучения.

Совместная работа была бы более объективной, она привела бы к переоценкам того, что происходит сегодня на Украине. Ведь в этом суверенном государстве 12 % бюджета уходит на помощь чернобыльцам, и получают это «материальное пособие» 17 % на-

селения! Да, есть действительно облученные люди, которые законно имеют льготы. Но есть масса людей, не испытывавших воздействия радиации и тем не менее получивших эти льготы. Только благодаря штампу «Чернобыль» в командировочном документе человек автоматически получал статус ликвидатора. Например, среди владельцев чернобыльских удостоверений мадам Пугачева, а мадам Быстрицкая даже добивалась госпитализации в клиническую больницу № 6. Наши попытки ввести некую оценку реальной дозовой нагрузки на человека не возымели никакого действия. Большая часть денег, выделяемых чернобыльцам, могла бы идти на улучшение инфраструктуры, здравоохранения, оснащение городов, поселков водопроводами и канализацией, на улучшение социального статуса людей. Доплачивая деньги, мы искажаем реальную картину потребностей.

— Если завтра, не дай Бог, случится авария, подобная чернобыльской, пойдут ли впрок уроки Чернобыля?

— Во многом нет. Ни должного научного опыта, доведенного до прописи, ни организационных структур не создано. В трагической ситуации мы снова будем болтаться в организационной неопределенности. Премьер Черномырдин может и не вспомнить Курчатовский институт. Даже если о нас и вспомнят, позовут, то ведь мне уже 70, а многие из первых ушли из жизни. Нет и молодых, кому бы я мог передать опыт, полученный в Чернобыле. Ведь только в совместной работе люди обретают опыт, знания, ощущение масштаба явлений. Такая передача опыта у нас кончилась, не начавшись.

Государство, вычеркнувшее чернобыльскую проблему из числа приоритетных, вытеснило тем самым специалистов по чернобыльской аварии в другие сферы. И уроки Чернобыля мы постепенно начинаем забывать. Как водится у нас, до следующей беды.